

Александр Чоклин

Эмигранты

Ну что еще нового можно написать об эмигрантах? Уже все писано-переписано, сказано-пересказано. Вспомните эмигрантскую классику – удивительного генерала Чарноту, похождения «непотопляемого графа» Невзорова, свирепого злодея Хаджет-Лаше, героев Тэффи, Амфитеатрова, Алексея Толстого, незабвенные строчки Ходасевича, Поплавского, Георгия Иванова, Гиппиус, Бунина, Набокова, потрясающие дневники белых генералов. А сколько замечательных эмигрантов покоятся на Сен-Женевьев-де-Буа или Пер-Лашез в Париже, Сан-Микеле во Флоренции, в святой иерусалимской земле! А «корабль философов», Куприн, Бродский, Ростропович, Барышников? Суперэмигранты. Какие имена, какие люди! Ну что можно интересного сказать на эту тему после Сергея Довлатова, Дины Рубиной, Игоря Губермана?

И все же у многих из нас, ветеранов «большого заезда» конца восьмидесятых – начала девяностых годов, сохранились свои грустные, печальные, смешные, крученые, мудреные истории, байки, анекдоты, придумки и «мишигасы». Когда-нибудь найдутся и из наших рядов правдолюбцы, жизнеписатели и фантазеры, которые пустят гулять по свету новых Невзоровых, Налымовых, Адольфов Задеров и Чарнот. Еще ждет своего летописца дорогой нашему сердцу Брайтон-Бич. Еще скажут незабываемые слова про горячие пирожки из «Интернешенала», про книжки от Камкина, про «Распутина» и «Сандуны». Про магазин «Моня и Миша». Уверен, эмиграция настолько непостижимая штука, что у каждого второго найдется свое заветное воспоминание, которым не стыдно поделиться за бокальчиком «Балтики № 9» и морским салатиком в «Татьяне» или дивными ребрышками молодого барашка в «Апшероне».

Единственно, на что я претендую в этой своей эмигрантской картинке, это то, что она совершенно невероятна и абсолютно правдива. Потому и запомнилась, потому и была пересказана сыну. Он захочет – расскажет дальше, хотя кому это будет интересно еще лет эдак через двадцать?

Итак, наши приключения начались с первых же дней, когда вопреки здравому смыслу и советам знающих людей мы начали эмиграцию не как все нормальные люди, через западные Чопы и Львовы, а решили плыть из Одессы в Вену вверх по Дунаю. Думаете, веселая была речная прогулочка? Свежий ветерок, расслабуха, чудные виды, Европа, а?

Мы и еще пару десятков авантюристов плыли со стариками, малыши детками и непосильным громоздким и полуненужным скарбом на маленьком прогулочном катере на подводных крыльях. Кроватей никаких не было. Поверх сидений положили здоровенные доски, получились симпатичные колымские нары, на которых мы ночевали. Было темно, тесно, неудобно, и не всегда в такой спартанской обстановке можно было нащупать именно свою жену. Но это было еще полбеды. Хуже, что (миль пардон) туалетик был на катере только один, и если кто-то на катере съедал что-то «второй свежести», об этом знал весь катер. Вторые полбеды была лишняя пара-тройка румыно-болгарско-австрийских таможен, которые быстренько превратили наши дембельские чемоданчики в состояние незакрываемое и неопишное.

Но винить было некого. Сами напросились. При всем при том успевали и на дунайские волны поглядеть, и вальс «Дунайские волны» помурлыкать. Для многих – первая заграница, разевали варежку и глядели по сторонам, Европа жеж!

Вена. Рано утром привезли нас на неблизкую окраину, в Богом забытый мотельчик. Он неслабо напоминал Хиросиму через несколько дней после того как. Все, что можно было сломать, скрутить, снять, сцапать, стырить, с...издить – было так и сделано предыдущими волнами нашего брата-эмигранта. Но хозяйка мотеля стойко переносила все тяготы, расходы и неудобства, ибо за них ей, видимо, нехило платили щедрые еврейские организации, вроде ХИАСа, дай им Бог здоровья. Она уже ничему не удивлялась, да и как добрая душа, похоже, сочувствовала нашему несладкому эмигрантскому раскладу.

Вот о хозяйке немного поподробнее, ибо она чуть попозже стала главной героиней этой истории. Хорошо сохранившаяся дама «околозабальзаковского» возраста, элегантно одевавшаяся и все еще вполне аппетитная, как позже выяснилось, была некогда прима-балериной венского балета. Она объездила полмира, всюду бывала, много и многих знавала и коротала ранний пенсионный век на благодатной ниве отельчиков и мотельчиков. Звали ее Эдит Лейрер. Эдит, если ты жива, прими еще раз наше искреннее эмигрантское «Thank you very much!». Как и большинство австрияков, она отлично говорила по-английски и довольно быстро вычислила нас с женой как сносно изъясняющихся на этом же языке. Мы нередко болтали с ней в свободное от неотложных эмигрантских дел времечко. Про что может говорить венская прима-балерина, хотя и бывшая, с парой полусумасшедших от забот и непонятной будущности эмигрантов? О жизни, конечно.

Мы подружились, насколько это было в той обстановке возможно. Она была рассудительная, не кичливая и много повидавшая жизнь европейская дама. За ней на красном спортивном «феррари» часто заезжал Оскар, по-нашему – ейный «бойфренд». Он до того был высок, элегантен, загорел и седовлас, что наши наиболее чувствительные одесские дамы начинали без нужды суетиться, прихорашиваться, и вообще, как говорят в Одессе, «терять лицо». Красивая была пара.

Эдит как-то раз спросила, чем она может нам помочь. Мы отвечали, что главные проблемы будут в Риме, ибо, по слухам мгновенной и безошибочной эмигрантской почты, виз в Америку больше не дают, и не известно, будут ли. Она обещала подумать. О чем? Чем она, прима-на-пенсии и хозяйка пары-тройки эмигрантских мотелей, могла помочь?

Наступил день отъезда. Мы, напрягая окрепшие от переноски и перепаковки чемоданов мышцы, впахивали в автобусный багажник расшарканный и расхристанный наш скарб. До отъезда оставалось всего пару минут, нам хотелось попрощаться с Эдит, но ее нигде не было. Вдруг во двор влетает спортивная красная. Эдит быстренько обнимает нас на прощание и сует мне клочок бумаги с именами и цифирью. «Если будет трудно, это может вам пригодиться», – на прощанье сказала она.

Трудно нам стало в Риме довольно быстро. Слухи – виз не дают. Никому. Никакие рассказы и легенды о беззаконии, жутких преследованиях, кознях власть предержащих не помогают. Август. Жара. Убогая гостиница на дальней окраине. Трехлетний пацан, старенький дедушка, всего ничего денег. Нужно искать квартиру в Риме. В курортный сезон. С нашими деньгами и с нашим знанием итальянского. Все, что мы знали на благозвучном языке Данте и Петрарки, это «Йо вольо апартаменто», – то есть «Я хочу квартиру». Все как у всех. Ну вы помните!

И тут и я вспомнил про Эдит и ее бумажку. По разгильдяйской своей натуре еле нашел ее в заднем кармане виды выдавших шортов. Открыл, и мы с женой обалдели. Четко и внятно было написано – «Витторио Алессандри, министр финансов Италии», адрес и телефончик министерства. Но это было еще не все. Ниже стоял адресок посольства Португалии в Италии, имя и телефон самого «его экселленции» уважаемого посла. Оставалось только стоять и тарашить глаза, что мы с женой и сделали.

Признаюсь, мы сильно огорчились от наивности Эдит и ее непонимания нашего эмигрантского момента. Ну в самом деле, при чем здесь итальянские финансы и Португалия? Визы нам нужны, туда, в Америку, а не послы с посланицами.

Но вы помните: Рим, август, жара, безденежье, безнадега. Наверное, тогда от этого всего наши мозги были немного размягчены и съехали набекрень. Еще пару дней мы безрезультатно прошлялись по Риму в поисках «апартаменто». Ничего. И вот в один из таких деньков уставшие, голодные и пыльные, мы, не сговариваясь, неожиданно потащились в сторону министерства финансов на Пьяцца-дель-Джезу.

Сначала были вялые протесты с моей стороны на предмет побриться, переодеться, причепуриться и прийти завтра и не в старых шортах. Министр все-таки! Но жена с присущей ей энергией и решительностью быстро подавила бунт на корабле.

И вот она, Пьяцца-дель-Джезу, маленькая очаровательная старинная площадь. Министерство находилось в такой красоты ренессансном особняке, что моя нетвердая решимость повидать посла сейчас уже совсем ослабла. Мы даже почему-то не задавали себе простых и логичных вопросов: а есть ли финансовый

министр вообще сегодня в своем министерстве, а может, он где-то в Европах заседает на важных финансовых сходняках и тусовках? И последний, еще более простой и логичный вопрос, который у нас даже не возник: а кто мы такие, чтобы он, министр, с нами встречался, да и что мы ему скажем? Но я уже неоднократно повторился: жара, август, жить негде, мозги набекрень.

Как известно, Бог заботится даже о самых малых овечках своих. Его волей министр оказался на месте. В прохладной приемной министерства секретарь в безукоризненном прикиде, долго и не понимая, рассматривал двух странных посетителей. Видимо, мы мало были похожи на столпов финансовой элиты, у которых могут быть дела к самому министру. Мы изрядно растерялись, но все же с помощью языка, мимики, жестов и нахальства дали понять, что у нас архиважное послание господину министру от госпожи Эдит Лейрер из Вены.

Секретарь это все записал и пошел узнавать. Мы себя в этот момент чувствовали наглыми самозванцами, совсем как знаменитые сыновья незабвенного героя революции лейтенанта Шмидта в лице Шуры Балаганова и Михаила Самуэлевича Паниковского. Мы даже слегка поспорили: нас вышвырнут так или кликнут полицию?

Опять-таки, Божья десница прикрыла нас в трудную годину. Минут через десять вернулся секретарь, сияя, как красно солнышко, и повлек нас вверх к самому министру.

Обалденный обставленный старинной мебелью кабинет. Сам министр – тоже «околозабальзаковского» возраста элегантный мужик – шел нам навстречу, широко улыбаясь. «Чем я могу быть полезен друзьям Эдит Лейрер?» Мы, потея, запинаясь и мекая, невнятно изложили суть дела. Мы, мол, очень сильно «вольйо апартаменто», и вообще, виз в Америку не дают и пить хочется.

Министр сказал, что касательно виз он не в курсе дела, не его это, мол, участок работы. А вот насчет квартиры он попробует. Теперь представьте картину маслом – министр финансов Италии и его два помощника в течение минут пятнадцати, не слезая с телефонов, ищут жилье для двух подозрительных типов-эмигрантов!

Лето, Рим, время отпусков. Ничего такого даже министр найти не смог. Это не Россия ведь. Там позвонили откуда надо – и при-

несут на блюдечке даже с голубой каемочкой. Но это, простите, Италия. И другая пикантная, но любопытная мелочь: министр после напряженных телефонных усилий говорит нам: «Сами понимаете, господа, сейчас время отпусков, с гостиницами трудно, позвоню-ка я моему другу министру внутренних дел. Он, правда, сейчас в отпуску и в данный момент играет в гольф, но мне не откажет...».

Который министр внутренних дел, «мент» по-нашему, не отказал. Нам быстро нашли свободный высшего класса номер в фешенебельном отеле «Ритц». Мы тепло поблагодарили обоих министров за заботу и ласку, но скрепя сердце отказались, сославшись на временные финансовые трудности. Не уверен, что сейчас, через столько лет, мы бы осилили многотысячный за ночь люкс в «Ритце».

Потом секретари долго обзванивали разные департаменты на предмет финансовой нам, эмигрантам, помощи. Наконец один из них торжественно заявил: «Господа, вы, наверное, не знаете, но есть такая беженская организация. Она вам обязательно поможет. Это ХИАС!». Мы поблагодарили, конечно, но нам ли не знать добрых дядей и тетю из ХИАСА после многочасовых очередей к ним на прием? Спасибо им, великое, но больше помочь нам они уже не могли.

Мы были обласканы, напоены кофе и прохладительными напитками и провели у министра не 10 минут, как сказал вначале секретарь, а добрых полтора часа, в течение которых министр нередко и с видимым удовольствием повторял: «Ах, Эдит, ох, Эдит». На прощание он дал нам свою бизнес-карточку и еще одну, прикупив: «Это карточка моего друга, торгового атташе США в Италии, быть может, он поможет вам с визами».

Приободренные опытом, на правах уже законных чад лейтенанта Шмидта мы на следующий день двинулись к торговому атташе США в Италии. Он тоже долго рассматривал нас и попытался выяснить, откуда мы, босяки, знаем министра финансов. На что мы небрежно заявили, что являемся близкими друзьями его близких друзей из Вены. Он записал наши фамилии и обещался нам помочь с визами, опять-таки, заявив, что это совершенно не его «field».

Мы так никогда и не узнали, помог ли он в самом деле. Прожив короткое время вместо «Ритц»-отеля в неплохой совсем квартирке в очаровательном прибрежном городке Неттуно, что под Римом, мы благополучно прошли интервью и получили визы. До португальского посла мы так и не добрались. Уже не нужно было.

Перелет вы все помните: аэропорт Леонардо да Винчи – аэропорт имени Джона Фитцджеральда из семейства Кеннеди.

Америка, вторая наша родина, раскрыла нам свои объятия.

Проста мораль этой простой, но правдивой эмигрантской истории. Конечно, не ради нас напрягался министр финансов Витторио Алессандро. Ради бывшей своей милки, пассии, зазнобы, называйте как хотите, Эдит Лейпер.

Ради памяти об очаровательной женщине, в которой, видимо, было нечто такое, что подвигло его после стольких лет помогать чужим странным полусумасшедшим людям. А мы были просто, как говорят французы, «постильон ламур» – почтальонами любви.

Можно представить, как министр финансов, играя в гольф с министром внутренних и прочих дел, с послами Португалии и разными торговыми атташе, рассказывал им смешную байку о двух сумасшедших эмигрантах с их маленькими и странными проблемами.

Но, может, закрыв глаза, он увидел рядом великолепное гибкое тело прима-балерины с той давней поры молодости. Как говорил Данте, это была «любовь, что движет солнца и светила».

О чем это я? О жизни, конечно...

Нью-Йорк

